

- Так вы вернулись, Александр Семенович?

- Нет, возраст уже не тот, чтобы опять начинать все сначала. Да и трудно вернуться в страну, из которой, в сущности, дважды эмигрировал. Я здесь по делам. Привез два своих юмористических журнала: "Балаган" и "Балагаша". Кроме Израиля, они теперь будут выходить и здесь.

- В общем, вы, как многие, особенно в последнее время, живете там, а "дела делаете" здесь.

- Ну, подобное только нам непривычно. Израиль - это большая дача. Скажите мне, кто зарабатывает на даче? Да и в принципе прожить в Израиле за счет журнала для русскоязычной аудитории невозможно. Как вообще писателю прожить только на свой труд. Лишь несколько человек так живут. Те, кто вышел на международный уровень.

Я посмотрел: здесь ничего подобного таким журналам нет, значит, шанс, что все получится, есть.

- Вы сказали, что дважды эмигрировали из страны. Как это?

- Первый раз - когда перебирался в 1980 году из Киева в Москву. А второй - ровно через десять лет - из Москвы в Израиль. Гриша Горин тогда спросил: "И зачем тебе была нужна эта генеральная репетиция?"

- А сами-то как считаете?

- В обоих случаях я уезжал потому, что видел бесперспективность своей дальнейшей жизни в прежнем качестве. Вроде как уперся в потолок - и все. И дело даже не в том, что меня не издавали или запрещали. Тут как раз все было более или менее нормально. И дай Бог, чтобы меня сегодня что-то кормило хотя бы на одну десятую того, что было тогда. Но, конечно, и запрещали. И в Союз писателей ни на Украине, ни в Москве не принимали, несмотря на то, что у меня было пятнадцать книг. Я когда анкету заполнял, листочка не хватало.

- Почему же не принимали?

- Потому, наверное, что еврей. В общем-то, даже довольно честно объясняли. Именно так.

- Тогда понятно.

- Как раз ничего не понятно. Ведь в Союзе кинематографистов и Театральных деятелей я состоял. У меня только в шоу-бизнесе было 400 названий; 12 фильмов снято по моим сценариям, больше 10 пьес шло по Союзу. По моим текстам работали Тарапунька и Штепсель.

А уехал из Киева в год, когда три спектакля по моим пьесам, купленным Москвой, сняли. Несмотря на успех. Нашли в спектаклях все, что полагалось: контрреволюцию, антисоветчину. Я понял, что они меня могут просто задушить и надо уезжать. Звали меня уже тогда за границу. Но я еще не был готов к такому шагу.

А в Москве, между прочим, прошел ту же самую школу эмиграции, начиная с таких бытовых вещей, как нахождение своего парикмахера, сапожника или врача. Но самое главное - оказалось, что я был всеми любим именно как Саша Каневский из Киева. А здесь

Ведь что дала нам Россия? Она нас научила жить и работать несмотря ни на что, вопреки всем существующим законам.

надо было больше "толкаться". И часто в те же двери, что раньше сами открывались.

Но кто-то, тем не менее, руку протянул. Эдик Успенский, например, которого я всегда любил за его надежность. Для меня надежность человека - главное качество. И здесь, и там.

В общем, в Москве тоже устроился в конце концов. Театр свой создал. "Гротеск". Но театр и ускорил мой отъезд. Я увидел впервые, можно сказать, систему изнутри. Ее обещательство, но невыполнительство. У меня в Совете театра были Павел Дементьев, Леня Якубович, Геннадий Гладков, брат и Эдуард Успенский. Решили мы провести "Ночи смеха". Цену на билет пришлось установить в десять рублей - это были большие деньги, но они все равно не покрывали всех затрат. Райком с райисполкомом долго думали, но письменного разрешения на этот акт нам так и не дали. Сказали: делайте, устанавливайте, продавайте, но если что... А потом сами в первом ряду сидели и смеялись. Правда, со зданием театра нам все же помог Прокофьев, тогдашний первый секретарь МКГ.

- Но говорят, что Израиль - далеко не рай. И уж если уезжать, то куда-нибудь в другое место...

- Была у меня возможность уехать в Америку. Нас туда с братом пригласили на выступление, и я перед отъездом

Александр КАНЕВСКИЙ

Неделя. - 1994. - март (№ 12) - с. 13

из Америки прошелся по радиостанции "Свобода". Иду по коридору, читаю вывески: польская редакция, украинская... И вдруг отовсюду выскакивают люди: "Сашка! Шурик! Сандро! Канева!" - мои переводчики, редакторы, режиссеры: у меня в бывших странах много чего было. И мне предложили довольно хорошие условия работы с перспективой выхода на кабельное ТВ. Оплачивали часть квартиры. Даже начальство все это подтвердило, удивившись человеку, о котором коллеги говорят только хорошо (обычно в мире искусства так не бывает). И мне понравилась Америка: она богатая, сильная, добрая и доверчивая. Ее наши бандиты с Брайтон-Бич дурят, как хотят. Но я понял, что ее не "возьму" - она слишком большая. Здесь надо было или родиться, или приехать сюда пацаном. Петя же всю оставшуюся жизнь про небоскребы и себя маленького - такого я не хотел.

А потом получил приглашение на Всемирный конгресс журналистов. Вылетел. Увидел Израиль... И понял, что если приехать сюда - будет безумно трудно. (Причем сначала я был в ужасе от того, что и сюда не могу приехать). Сначала-то я увидел Иерусалим: там все как-то ближе к Богу. Я же шалопай по натуре. Но потом друзья-одесситы из Натании повезли меня к себе через Тель-Авив (который мне уже показался гораздо ближе по духу), и, попав в Натанию, я понял, что это - мое. Курорт типа Ялты, площадь всегда переполнена людьми. А уж когда собрался человек 40 бывших одесситов и была та же пьянка с теми же розыгрышами - я понял: тут есть на что опереться.

Ведь люди вывозят с собой не деньги, а образ жизни. Я был в поселке вы-

Фото В. АХЛОНОВА.

сти: шофер и министр говорят друг другу "ты". И потоками нашей алии привнесено чисто российское: "Вась, у меня есть бутылка водки, я с Машкой и Танькой, сейчас мы к тебе едем. Чего? Ты спишь? Ну, ничего: просыпайся - выпьем". Меня безумно радуют здешние "московские кухни".

Русские вывезли с собой широту души, дикую доверчивость (верят всем газетам: а как же, раз написано?). И их очень сильно дурят там, потому что первые шаги на этой земле проходят через слой самого отвязленного жулья. Все эти маклеры, квартиросдатчики, продавцы дешевых товаров...

Но в сознание вчеканен и вывезенный из России лозунг "все равны". Поэтому если вдруг кто-то начал выбиваться из общей массы, пошел вверх - сразу: как? куда ты лезешь? все равны! а ну, давай назад!

Там очень трудно тем, кто здесь жил за счет партии, профсоюза, выпрашивал квартиру, прибавку к зарплате. А кто здесь, вопреки всему, жил, плыл против течения, тот выплывает и встает на ноги.

Ведь что дала нам Россия? Она нас научила жить и работать несмотря ни на что, вопреки всем существующим законам. И поэтому нам легче приспособиться к жизни в том мире, где инициатива и предприимчивость приветствуются. Представьте себе, что куда-нибудь приходит западный человек и видит табличку "закрыто". Он разворачивается и с сожалением уходит. А наш сразу думает: "Хорошо, здесь закрыто. А сзади? Сбоку? Сверху? Ну, значит можно подкопать!"

- Так когда же вы поняли, что стали там своим?

- Когда через полгода после нашего приезда началась война и Саддам начал присылать нам "приветы с Родины" в виде ракет "Скад". Мне после первой тревоги звонит диктор "Голоса Израйля" Эстер Карми и говорит: "Саша, люди звонят. В панике. Надо их как-то развлечь". Я отвечаю: "Погоди, дай самому опомниться". Потом собрался с мыслями и начал рассказывать, как я готовился к войне. Как пошел покупать спички и купил их столько, что меня начали подозревать в намерении что-то поджечь. Потом купил столько мыла, что от меня отшатнулись, как от самого страшного грязнулы. Я выступал с такими рассказами раза три в неделю. А то и после каждой тревоги: в два часа ночи, в полночь. И когда в день победы был концерт для русской эмиграции, я вышел на сцену, а зал меня встретил криками "спасибо!", я понял, что тут нужен. Да, мне было страшно. Но... Я знал,

что армия меня защищает.

Израильская армия - вообще особый разговор. Там в Уставе записано, что если солдату в плену угрожают расстрелом - он должен рассказывать все, что знает, чтобы сохранить жизнь. Маленькая страна, мало людей - каждый ценен.

А как идет подготовка израильских десантников, этих "красных беретов", элиты и самых трудных для службы войск? Они тренируются в пустыне - на измор, на износ. И вот уже остался последний марш-бросок на 10 километров с полной выкладкой. Они бегут. А следом - машины скорой помощи, машины с холодной водой. И вдруг из машины выскакивает сержант, подбегает к одному из бегущих и начинает его уговаривать: "Слушай, тебе тяжело. Сойди с дистанции. Тебя никто не упрекнет: есть масса не менее престижных войск. А там, в машине, - мороженое, водичка холодная". Если солдат молчит или просто сержанта посылает - тот бежит к другому. И так он подбегает ко всем по очереди... А на последнем километре разрешается, чтобы рядом с солдатом бежали его сестра или брат, отец, невеста - они там ждут, они дают силы для этого последнего рывка.

Все знают, что эти войска - самые сложные и опасные. В них не берут без письменного согласия родителей - и еврейские мамы такое согласие дают!

- Как себя чувствует брат Леонид?

- Сейчас нормально. Театр "Гешер" ("Мост"), в котором он работает, получил статус государственного, билеты распроданы на три месяца вперед. Хотя вначале он не получал зарплату по пять месяцев. Но - никогда не жаловался. Я очень хотел, чтобы он приехал ко мне, но всегда писал ему: "Реши сам". Потому что это как перед прыжком в воду: надо собраться и решиться.

- И все же вы возвращаетесь на бывшую Родину. Пусть не совсем, в другом качестве...

- Здесь появился какой-то просвет. Три года назад страна была совсем другой. Появились люди, живущие так, как это принято в нормальном мире. Я случайно встретился с одним из таких. Предприниматель из Мариуполя Михаил Поживанов. Он закончил МИСиС, защитил кандидатскую, отказался от докторской и пошел в сталеваляры. Потом ездил по странам, изучал их законы экономики, банковское дело. Сегодня уже докторскую написал, открыл свое дело: экспортирует металл, строит дома для своих рабочих. В 34 года! Мне в разговоре все время повторял: "Нас приучили к нищете - нищими легче управлять. А я ненавижу нищету, она растит ущербных людей. Наши люди должны жить не хуже, чем на Западе. А то и лучше. Заслужили". Раз сегодня уже есть такие люди и в России, и на Украине, - значит, есть надежда, что на ноги встанем.

Да, я хочу здесь издавать свои журналы. Если, как нам писали в Израиле, мы можем кого-то из читателей спасти от тоски, горя, просто от упадка сил и настроения, я хочу это сделать. Моя профессия сегодня - оптимизм.

Когда Эдуард Успенский недавно приехал в Израиль, Александр Каневский решил привести его на радио. На вопрос, зачем Успенский приехал, тот ответил, что, во-первых, отоспаться, а во-вторых, забрать назад Каневского. И вообще, заявил Успенский, товарищи евреи, вы без нас можете, мы без вас - нет. Мы это почувствовали - возвращайтесь обратно.

Да разве же только без них не можем! Но пока, увы, никто не возвращается. Хорошо хоть, в гости приезжают. А там, глядишь, и настанет время, когда и мы с гордостью будем рассказывать им, какая теперь жизнь у нас, в России. С гордостью, а не со стыдом и недоумением, как сегодня.

Евгений ТИПИКИН.